

Наши вдохновители:

*Анна Гутиева, Наталья Серая,
Евгения Александрова*

Самая лучшая группа поддержки:

*Ольга Грекова, Софья Евдокимова,
Виталий Сулимов, Дарья Волкова,
Андрей Калошин, Олеся Смотрова,
Егор Федотов.*

*Спасибо нашим друзьям и близким —
всем тем людям, которые верили в нас
даже тогда, когда в нас не верили мы сами.*

*И огромная благодарность — нашим читателям,
которые плакали, смеялись и проживали
вместе с нами эту историю.*

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

ЯДВИГА ЕЛИСЕЕВА • АЛЕКСА РАЙТ

ПУТИ
ОКЕАНА:
ЗОВ
ГЛУБИН

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

ГЛАВА 1

Во власти чумы

Вот и все.

Гробовая доска с грохотом захлопнулась, и земля дрогнула под ногами Селин.

Глоток зловонного воздуха застрял комом в горле.

Последние попытки угадать черты лица матери сквозь плотную траурную ткань рассеялись в пасмурном небе, полном карканья воронья и дыма от погребальных костров.

Пепел закружился в порыве студеного ветра и отразился на поверхности луж после стихшей грозы. Селин бездумно убрала с лица светлые пряди, выбившиеся из высокой прически, и зябко поежилась.

В покрасневших глазах больше не оставалось слез. Им на смену пришли лишь пустота и боль.

Будь ее воля, она обратилась бы в черную надгробную статую, чтобы не оставлять мать одну-одинешеньку в холодном склепе.

Среди гомона знати монотонная речь епископа ковыляла к финалу.

Как бы ни пытался казаться чопорным, тот заметно покачивался. Обрюзгшие щечки разругались и выдавали не одну принятую накануне пинту лучшего верденского. Стоявший напротив монастырский служка нахально подмигнул, и Селин, потерянная и одинокая, беспомощно уставилась на наглеца.

«Да как вы смеете?!» — вопрос едва не сорвался с губ.

Визгливый хохот одной из дам все же заставил обернуться и немедленно утонул в складках золототканной накидки вычурной парчи.

«Похоже, смерть в наших краях ныне совсем обесценилась и перестала вызывать всякое почтение. Даже к тебе, матушка, — к той, которая при жизни многим из них несла лишь свет и добро».

Де Круа понимала, откуда взялась крайность впадать в разгул и пиры — люди просто устали бояться стать следующими в бесконечных некрологах. Вот только отказ от простейшей человечности она не хотела понимать.

Каждый смешок, каждая ужимка на похоронах били пощечинами. Селин устало прикрыла глаза и поджала губы.

В пронизывающем холоде проносились обрывки оживленных бесед и мерзкое хихиканье, чуть приглушенное веерами. Во мраке траура по последней моде то тут, то там бликовали бока богато инкрустированных фляг.

«О, нелюди! Вам бы еще начать фанты разыгрывать!..»

По всей видимости, церемония погребения показалась собравшимся слишком пресной. Настолько, что компании великосветских гостей пришлось развлекать себя самостоятельно. Брат усопшей — разодетый в пух и прах герцог Фредерик де Сюлли — возглавил остроты в краткой, но точной оценке платьев. И свита немедленно подхватила забаву. Селин готова была поклясться, что в толпе прозвучали несколько имен портных да колкости в адрес белошвеек.

«Действительно, здесь все свои, а протокол писан единственно лишь для черни».

Нервный бег облаков пропустил луч бледного, словно больного, солнца.

И на мгновение ее осенило.

А что, если все — обман?..

Селин перевела глаза на гробовую доску.

Не случайно же мрачное каменное изваяние в нише фамильного склепа ничем не напоминало мать!

А что, если... она жива?! А в черном мешке похоронили кого-то другого?!

В воздухе словно пахнула матушкина розовая вода с кардамоном, и Селин вскинула подбородок.

...И ведь не самая нелепая идея, учитывая извечные подковерные игры верденского двора! О, она с детства усвоила их циничные правила: доверять здесь нельзя никому. Даже себе?

«Думай, думай, Селин! Кому выгоден весь этот фарс?»

Словно в ожидании подсказок, она тайком еще раз оглядела высокое общество.

Платья гостей на погребальной церемонии отличались от бальных разве что небрежной строгостью кроя. Даже чернота тканей спорила друг с другом в дороговизне и скверно прикрытой роскоши украшений...

Они точно скрывают что-то!.. На мгновение напудренные лица превратились в застывшие безликие маски.

Чтобы сбросить наваждение, Селин украдкой сжала кулак и ощутила, как собственные ногти больно впились в кожу. Кажется, она сходит с ума... Горе и несколько суток без сна давали о себе знать, и теперь самые безумные мысли стали посещать ее голову.

Не она ли все эти дни не отходила от постели матушки? Не сама ли она до последнего вздоха держала ее слабую руку в своей?

Мрачная действительность была неумолима. Мраморная статуя и холодное надгробие — все, что осталось от единственного источника любви и теплоты в жизни Селин. Она больше не увидит лучистых глаз с грустинкой, не услышит ласкового голоса, не согреется в родных объятиях, где с самого детства привыкла укрываться от опасности.

Маленькая робкая маркиза де Круа, чьей силы сердца хватало утешать свою крошку в самые темные времена, теперь обратилась прахом...

Даже отсутствие факта кровного родства с матерью потеряло всякое значение. И без злых языков Селин все понимала едва ли не с пеленок. Достаточно было взглянуть в зеркало, чтобы убедиться в отсутствии малейшего сходства с маркизой Изабель де Круа и с самим всемогущим герцогом де Сюлли, уже не говоря обо всем его семействе.

Впрочем, при известном усилии кто-то улавливал их отдаленное сходство с кузеном Антуаном, также светловолосым и голубоглазым, но на том общие «фамильные» черты решительно заканчивались.

— Ну же, моя дорогая... крепись, умоляю тебя! Я и сам ровно так же презираю всю неуместность здешнего парада, однако ничем себя не выдаю...

Селин вздохнула и сильнее сжала локоть брата. Тот порядком устал от многочасового молебна и то и дело беззвучно чихал в ворот от едкого ладана.

— Клянусь, дорогая кузина, тетушка горячо переживала до самой своей смерти, как бы ты не раздумала отправиться со мной...

Селин рассеянно кивала: и здесь он об острове... и снова его утверждения вопреки очевидному... матушка прекрасно понимала, что дочь не оставит ее в одиночестве на смертном одре. И того больше — маркиза будто подгадала свою кончину так, чтобы задолго планируемая экспедиция на остров не была отложена еще на полгода, а то и вовсе сорвалась.

Неприметная и удобная при жизни Ее Сиятельство маркиза Изабель де Круа тихо сгорела от чумы

всего за пару недель наперекор усилиям лекарей и круглосуточной опеке дочери.

Чем оказала ей услугу и после смерти.

Казалось, за истекшие недели ужас агонии насквозь пропитал Селин.

...Все эти снадобья... обреченные движения длинноклювых масок докторов... нарастающая мертвенность и тотальность смерти внутри собственной души...

Лоб матери померк и почернел от чумы. И вместе с ним увяла и единственная радость от предвкушения долгожданного расставания с Верденной.

Словно с уходом матушки сама жизнь покидала и ее молоденькую дочь.

Антуан нисколько не смутился, что не интересен безутешной сестре, и все бубнил вполголоса. Он поднес к ее глазам новый муслиновый платок:

— ...Как его там... Будра? Да-Гуа? Ну же, Селин, все никак не выучу... Да пойми, без тебя я решительно не найду, чем заняться в этой провинции! Что меня ждет? Отчеты по приплоду скота да оброки с него? Ставить резолюции под штрафами для горемык, что не могут как следует прописывать нужные цифры? — он вдруг воскликнул. — Когда же *жить* мне, кузина?!

Селин с сомнением покосилась на театрально увлажненные глаза.

— Как новый управитель этих диких земель, я буду погребен под кипами бесконечных бумаг и по всем фронтам сделаюсь обреченным на фиаско! Да-да, и, клянусь, даже оставлю предсмертную

записку, если ты не отправишься со мной! «В моей безвременной кончине прошу винить дражайшую кузину Селин де Круа!» Пойми же, я погибну там без твоего знания этих всех бесконечных юридических казусов, тезисов, нюансов и прочих нуднейших вещей... Ах, бедняжка моя, слезами добрую тетюшку уж не вернуть... — сквозь покровительственную мину живописного сострадания Антуан даже всхлипнул, но вдруг глаза его засияли. — Но мы-то с тобой пока живы и наконец вырвемся отсюда!

Мысль о том, что уже завтра зачумленная Вердена с ее ненавистным дымом погребальных костров останется далеко позади в лигах океанской воды, неожиданно согрела истерзанную душу. Ведь и правда — впереди новая жизнь! И в ней не будет места гнусному прошлому и особенно — омерзительным его персоналиям...

— Селин, дорогая, не та ли это самая Патрисия де Монблан? Готов поклясться, ее не было в списках! Или показалось... Даже на похоронах от нее нет покоя... Нет, не смотри в ее сторону, умоляю!

Кузен попытался было пригнуться, чтобы выпасть из поля зрения гостыи, но тут же осознал всю бессмысленность своих намерений и нарочито подбоченился.

— Я погиб, — сквозь учтивый оскал резюмировал Антуан, и непринужденный его поклон едва не испортило отчаяние. — Эта мегера приближается... заклинаю тебя, напomini расследовать,

какому мерзав... кто посмел пустить слух, будто мы с ней обручены с пеленок?!

Селин рассеянно взглянула на приближающуюся фигуру заклятой подруги в роскошном платье из черного бархата. С каждый шагом воинственное бряцание украшений становилось все отчетливей, а сладкое облако духов — все приторней.

— Антуан, любезный друг мой!.. — Патрисия игриво взмахнула ресницами и поправила каскад тугих рыжих локонов на оголенных плечах. В этот раз от хорошо поставленного меццо-сопрано у Селин даже не дернулась щека, но на отточенно-приветливую улыбку сил не хватило.

Кузен, впрочем, элегантно поклонился:

— Миледи, в сей трагический час вы посрамили само светило вашей лучезарностью, однако вынужден откланяться! Вообразите, эти мошенники вздумали напудрить омаров в трапезной, чтобы глянец панциря не осквернил траур нашей фамилии!

Возмущенно потрясая шевелюрой с безупречными светлыми вихрами, Антуан скрылся среди богато расшитых камзолов неподалеку.

— Мои соболезнования и всякое тому подобное, — Патрисия томно смотрела в спины, за которыми исчез кузен. — Подлинный бриллиант рода де Сюлли! Какая выправка! Какая ответственность перед почтенной публикой! Разумеется, Антуан, как кузен, весьма добр к тебе, но, я думаю, ты достаточно умна, чтобы не питать тщетных надежд на партию с ним? Я же не ошиблась в тебе, дорогая?

Не потрудившись удостоить подругу взглядом, Патрисия снисходительно улыбнулась и чуть присела в оскорбительно неполном реверансе «для бедных». Нимало не стесняясь, она все выглядывала единственного наследника империи де Сюлли.

— Прости, что ты сказала?

— А герцог де Сюлли определенно не ценит собственную племянницу, если заставляет на потеху публике выступать с этими твоими... операми на званых вечерах. — Об сочувствие Патрисии можно было разбить голову. — Понимаю, унижительно... Впрочем, при текущих его тратах... Неужто Его Светлость таким образом желает сэкономить на настоящих певицах?

На ее лице заиграло нечто, должно быть означавшее либо искренность, либо живое участие, либо что угодно из мимического словаря нахальной дворянки. Могло ли быть такое, что Патрисии известно то, чего ей не следовало бы знать? Селин осеклась, но тут же спохватилась:

— До слез тронута твоей тревогой о моем будущем, дорогая подруга. Однако нахожу в музыке и опере истинное наслаждение...

Патрисия замахала на нее обсыпанным бриллиантами веером:

— О, только не это! Умоляю, не начинай свою старую песню... Я ее уже неоднократно слышала. Между нами: ты бываешь просто невыносима, моя дорогая. — Оскорбительно-снисходительная улыбка стала шире. — Кому, вот кому интересны твои нуднейшие размышления об искусстве и всякой там...

гармонии? Но не унывай, моя бедная Селин, я готова буду похлопотать за тебя, иначе что я за подруга, верно? Когда мы с Антуаном поженимся, я прослежу, чтобы после смерти тебя похоронили в семейном склепе де Сюлли, а не как этих... пащев... ну ты поняла же? Ну вот эти, которые заканчивают свои дни на театральных подмостках...

В другое время и в другом месте в Селин вспыхнуло бы возмущение. Оставались бы силы для светски-элегантной пикировки. Сейчас же, как и в иные моменты уязвимости и глубочайшего унижения, она просто дожидалась, когда же попытка будет кончена.

— А, и да... Уж коли мы о приличиях, то ныне леди не пристало открыто горевать на похоронных церемониях. Хотя кому я толкую?.. Ты ведь и не на такое ради внимания пойдешь, да? — Напомаженная губка с сомнением оттопырилась.

Селин приоткрыла было рот от возмущения и даже набрала воздуха в легкие, чтобы возразить нахалке, что все совсем не так, и вообще...

— Я ведь искренне тебе сочувствую... — словно в мольбе, Патриция благолепно сложила руки в черных шелковых перчатках. — Незавидная участь: в наследство от де Круа-старшей остались разве что долги и «доброе имя». А с таким-то приданным надежды удачно выйти замуж после, как ты перешагнула свои двадцать лет, тают с каждым днем...

От этих слов брови де Круа сами собой поползли вверх, но де Монблан задумчиво продолжала:

— ...И если ты и дальше будешь преподносить себя таким образом... Да что там... Позволь сказать

откровенно, как подруге: ты выглядишь просто ужасно! Видела бы ты свое лицо и прическу... Помилуй, дорогая, куда делся твой вкус? Траурные платья такого фасона уже не носит даже третье сословие... И должна была давно тебе сказать: эти твои облачения с высокими воротниками только подтверждают слухи, будто племянница герцога де Сюлли имеет какой-то неприглядный дефект на коже. — Патрисия понизила голос. — Смею надеяться, это не заразно?..

В попытке инстинктивно защититься, руки сами собою сцепились в замок и намертво прижались к груди. Селин потребовалось недюжинное усилие, чтобы уловить смысл слов, навывлет бьющих из жеманного красивого рта, щедро окруженного многочисленными мушками. Показалось, де Монблан, словно кобра с раскрытым капюшоном, гипнотизирует, пока она, не мигая, изучала, да все не могла понять, достигли ли ее слова мишени, или нет.

— Патрисия, когда ты наконец иссякла, позволь поблагодарить тебя за столь пристальное внимание и невиданную заботу о моей скромной персоне...

Судя по тому, как замерла подруга, произошло тушэ. Однако уловить, хвалит ее де Круа или оскорбляет, Патрисия все еще не могла.

— Ты достаточно прозорлива и мудра, чтобы понимать принципы взаимности. И потому, будь я на месте некой высокородной дамы, что маскирует мушками последствия многократно перенесен-